

05
Н 76

НОВЫЙ МИР

9.

МОСКВА
1945

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1945 г.

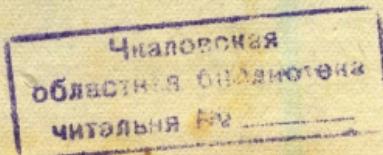
№ 9

Год издания XXII

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
КОНСТ. ФЕДИН — Первые радости, роман. Окончание	2
ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ — Стихи	29
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ — Смех и слёзы, юмористическая	31
АЛЕКСАНДР КИРСАНОВ — Стихи	58
МАРИОТТА ШАГИНЯН — Челябинские колхозы	60
ЮЛИАН ТУВИМ — Лирика, перевод спольского Ник. Асеева	70
С. УШАКОВ — Будни летчиков	72
ЛЕВ ЧЕРНОМОРЦЕВ — Стихи	85
<hr/>	
А. РУБАКИН — Французские записи	86
<hr/>	
А. ДЕРМАН — Михаил Исаковский	102
АН. ВОЛКОВ — Новые материалы о Горьком	113
З. ПАПЕРНЫЙ — Поэт-патриот	116
<hr/>	
БИБЛИОГРАФИЯ	
ГРИГОРИЙ ЛЕВИН — Человек в природе	120
Я. РЫКАЧЕВ — Неудачная повесть	123
Х. ХЕРСОНСКИЙ — Неумирающие актеры	125
Г. БРОВМАН — Клиника о Грибоедове	128
<hr/>	
НОВЫЕ КНИГИ	130

Проверено

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

А. ДЕРМАН

I

Характер отношения широких масс народа к стихам и особенно к песням Исаковского нетрудно определить просто и точно. Это подлинная любовь. Стихи его и песни не только безгранично популярны. Народ как бы присвоил их себе в качестве своего собственного создания. На глазах у современников стирается грань между ними, как произведениями личного творчества и произведениями фольклора.

Иногда, при полной неизменности, так сказать, материального состава произведения, характер его восприятия читателем преображается до полной неузнаваемости под влиянием времени. «Бедная Лиза» Карамзина в конце XVIII века и та же «Бедная Лиза» сейчас — это два несхожих произведения, хотя ни одной буквой они меж собой не отличаются. Бывает, однако, и наоборот: происходит порой очень значительная трансформация произведения, но характер его восприятия остается прежним.

Не так давно И. Н. Розанов сделал на собрании московских поэтов доклад о судьбе знаменитой «Катюши» Исаковского. Мы не станем излагать его содержание, отметим лишь, что за короткое время исследователь собрал свыше сотни различных вариантов «Катюши». Некоторые из них лишь в немногом отличаются от авторского текста, другие далеко отходят от последнего, в ряде случаев продолжают песню, повествуют о дальнейшей судьбе Катюши и т. д. и т. д. Катюша становится поэтическим символом русской девушки-патриотки, а пограничник, которого она приветствует, превращается то в летчика, то в танкиста, — в зависимости от того, в какой конкретной боевой обстановке происходит это «освечение» песни; видоизменяется содержание привета Катюши; стихотворение дополняется ответом ей бойца и т. д. В иных вариантах Катюша уже не только обращается к бойцу, но и сама представлена как боевой:

Ты, Катюша, извергам проклятым
Посылаешь тысячу смертей.
Ты их бьешь не только автоматом,
Но и песней звонкою своей.

Едва ли возможно сейчас с документальной точностью установить, каким образом произошло присвоение имени «Катюша» грозному оружию нашей Красной Армии, гвардейскому миномету. Но трудно сомневаться в том, что здесь имело место хотя и редкое, но очень простое явление: отраженное влияние поэтического образа на чувства людей, выходящие за пределы поэзии, подобно тому, как мы называем «солдатиком» или «цветком» тех, кого любим.

Трансформация «Катюши» происходит с разительной быстротой и гибкостью. Ширится партизанское движение — и Катюша уже партизанка. Красная Армия вступает на рубеж Восточной Пруссии — и Катюша — пленница немцев в этой цитадели германского милитаризма, откуда с мольбой об освобождении протягивает руки навстречу идущему ей на выручку бойцу, и т. д. и т. д.

Нужно ли доказывать, что только внутренняя близость, любовь могла до такой степени обратить литературный образ в живое лицо с собственной, развивающейся судьбой? Катюшой не только восхищаются, не только радуются ее удачам и скорбят о ее печалах — за нее порой и вступаются, как за реальную девушку. Один писатель-фронтовик рассказывал мне про случай такого застуਪничества на фронте. В час боевого затишья со стороны переднего края противника патефон донес к нам в окопы звуки «Катюши». Среди бойцов поднялась буря возмущения против румын, занимавших вражескую минию: как они смело играют «нашу «Катюшу»! Произошла короткая схватка, и «Катюша» вскоре была возвращена «домой».

Все эти примеры, — а их можно привести множество, — явно свидетельствуют об исключительной близости поэзии Исаковского внутреннему миру, душе читателей. В одном его стихотворении, где он с глубокой любовью описывает русскую природу, есть такая заключительная строка: «Всё мое, и всё родное». Вот это самое чувство испытывают миллионы людей, читая стихи Исаковского: «моё», «родное», иными словами — любимое.

Анализ творчества поэта должен вскрыть истоки этой любви.

II

Начинать приходится, однако, не с рассмотрения отдельных, хотя бы и важнейших элементов, из которых складывается творчество поэта, а с указания на общую особенность его поэтического лица: Исаковский отразил в своем творчестве определяющую черту нашей эпохи: ее передовой характер. В той или иной мере черта эта отражена в творчестве всех без исключения современников. Исаковский в числе тех поэтов, для которых это составляет органическую сущность. А в особенностях его таланта заключались необходимые данные для ее поэтического воплощения в народном духе. Когда стихи Исаковского читают или песни его поют люди нашей страны, то каждому из них кажется, что стихотворение написано, а песня сложена именно для него, и даже более того, — что он сам ее сложил. Он как бы не отделяет себя от поэта. И в этом нераздельном слиянии — истоки той любви, о какой мы выше говорили.

На первый взгляд представляется, что общность между читателями и поэтом умещается в рамках того поколения, которое непосредственно участвовало в событиях великого исторического перелома, и для дальнейших поколений, вышедших на сцену жизни в послеоктябрьский период, значение этого момента постепенно утрачивается.

Но это, конечно, неверно. В Октябре 1917 года страна вступила в длительный процесс всестороннего и глубочайшего преобразования народной жизни. И трудно представить срок, в течение которого ощущение этого процесса для современников будет оставаться непосредственным, медленно уступая место чисто историческому его восприятию. Вспомним, что уже много лет спустя после французской революции — события, неизмеримо меньшего значения, Гейне писал: «Мир раскололся пополам и трещина прошла по сердцу поэта». Эта великолепная метафора одновременно свидетельствует о том, как долго остается живым ощущение великих исторических переломов и как резко воспринимается это ощущение поэтом, который по самой своей духовной природе — отзывчивое вдохновение.

Но, конечно, разнообразны характер и окраска этой отзывчивости. Складом своей поэтической натуры Исаковский был как бы предназначен отразить в наиболее близком народном духе великий перелом.

III

Михаил Васильевич Исаковский родился в 1900 году в деревне Глотовке Всеходского района Смоленской области, в бедной крестьянской семье. Деревня была глухая, заброшенная, даже начальной школы в ней не было, и будущий поэт овладел грамотой самоучкой. Ему было девять лет, когда в Глотовке открылась школа. Он стал посещать ее. Но наступили холода — и

ученье прервалось: не в чем ходить в школу, — ни обуви, ни одежды... Мальчик занимался дома, а весною сдал экзамены в школе. Со второго года посещение школы возобновилось, и в 1918 году мальчик отлично выдержал выпускные экзамены.

Поэтические наклонности Исаковский стал проявлять в первые же годы учения. Уцелевшие в памяти поэта обрывки его ранних стихов представляют определенный биографический интерес, указывая, куда было направлено внимание мальчика, степень его развития и т. д.

Повидимому, школьные учителя проявили неизулуенную чуткость к детским опытам Исаковского, распознав в них зерно поэтической одаренности. Это видно из того, что на выпускных школьных экзаменах тринадцатилетнему мальчику было предложено выступить с чтением стихов. Приводим из них два отрывка.

М. В. ЛОМОНОСОВ

Жил у нас в ^вбывшие годы
Ломоносов Михаил.
Я читал его походы —
Как учиться он ходил.

Тайно вышел он из дома,
И никто про то не знал, —
Как в Москву с обозом рыбы
За наукой он бежал.

СВЯТОП

В бедном уголочке,
На краю села,
Со внуком Ванюшой
Бабушка жила.

Хижину плохую
Имели они, —
Прозябнут, бывало,
В ненастные дни.

Дровец у них нету —
На чем привезешь?
На себе из леса
Много ль принесешь?

Связь между этими стихотворениями ясна: неприглядная жизнь «в бедном уголочке» питает увлекательную мечту о славном ломоносовском «походе» в Москву за наукой...

Как бы то ни было, стихи доставили юному автору большой успех, вызывали толки и в какой-то мере определили дальнейшую судьбу Исаковского. Первое выступление его в печати связано также с вниманием к его ранним опытам со стороны школьных учителей. Учительница школы показала его стихи знакомому педагогу, печатавшему корреспонденции в столичной прессе, и одно из них, «Просяба солдата», на мотив, вызванный происходившей тогда войной,

было помещено в московской газете «Новь» в 1914 году.

Самое важное и ценное в этих замечательных для будущего поэта эпизодах заключалось в том, что учителя стали настойчиво советовать мальчику во что бы то ни стало продолжать образование.

Но как мог бы он совет этот выполнить?

Для переезда в город и обучения в гимназии необходимы были средства, которыми отец его не обладал. Путь самоучки пронеждало почти полное отсутствие книг. Жадная любознательность мальчика питалась из самых скучных и случайных источников, вроде обрывков газет и т. п. И порой это приводило к самым неожиданным результатам. В письме к М. В. Исаковский рассказал об одном таком курьезном случае:

«Мое знакомство с поэзией было крайне ограниченным. Я лишь прочел несколько случайно попавших ко мне стихотворений, в которых фигурировали Музы, Фебы и т. д. Все это было совершенно непонятно для тринадцатилетнего деревенского мальчишки. Однако кто-то мне объяснил, что Муза — это богиня поэзии, Феб — бог неба и т. д. И у меня в то время сложилось такое мнение, что стихи без Муз, Фебов, Вакхов и пр. — это не стихи и что для стихов требуются слова необыкновенные, красивые и пр.

И вот однажды зимой, в воскресном приложении к какой-то газете я прочел стихи, начинавшиеся так:

«За окошком плакала соната».

Непонятное слово «соната» очень понравилось мне. Я стал думать, что же оно может означать. И так как была зима, то я решил, что соната — это, очевидно, поэтическое название выюги. Иначе что же может плакать зимою за окошком?..

«Расшифровав» таким путем «сонату», я немедленно же решил ввести это красивое слово, поразившее меня, в свои стихи. И написал следующее:

В вечерний час, когда по небу
Луна сребристая катилась,
Ко мне вновь Муза возвратилась
И стала я поклоняться Фебу.

И тишиной морозной ночи
Кругом была земля объята.
Уж сладкий сон слипал мне очи,
Как вдруг заплакала соната.

Меня соната ожидала,
Я стал прислушиваться к ней.
Она ужасно завывала
И с часом делалась сильней.

...Впрочем,—прибавляет М. В. Исаковский,—справедливость требует сказать, что Фебами и сонатами я увлекался недолго и перешел на вещи, более мне близкие и понятные».

Счастливый случай помог Исаковскому совершить этот переход, для чего необходимо было

прежде всего вырваться из той темноты, в которой протекало его детство: на мальчика обратил внимание член уездной земской управы в городе Ельне М. И. Погодин, заведывавший отделом народного образования. Он свез его на свои средства в Москву к знаменитому окулисту Авербаху, который, прописав Исаковскому очки, разрешил продолжать ученье, рекомендовав при этом крайнюю осторожность. Нашлись чуткие люди, педагоги Горинская и Свищунов, организовавшие правильные занятия, и осенью 1915 года Исаковский был принят в IV класс частной гимназии Воронина в Смоленске с освобождением от платы за учение.

Стихотворные опыты мальчика продолжались и в гимназические годы, однако отношение к ним со стороны новых учителей было уже иное. Когда однажды была задана классу домашняя работа на тему: «Природа Кавказа по стихам Пушкина», мальчик и самую работу выполнил в стихах. В ней он писал:

Так вот ты каков, мой священный
Кавказ! —
Я всею душою стремился
Тебя посмотреть еще в детстве хоть раз.
К тебе я мечтой уносился.

Получив от учителя обратно свою тетрадку, Исаковский не нашел под своим сочинением обычной отметки. Вместо нее красными чернилами было написано: «Пропусти точно выполнять заданные работы, не допускай неуместных вольностей..»

В гимназии Исаковский проучился недолго: небольшая стипендия от елецкой земской управы, которую выхлопотал Погодин, не избавляла юношу от материальных лишений, и в конце концов Исаковский после двухлетнего пребывания в гимназии, выпущенный был прервать учение и заняться поисками заработка.

В 1917 году он определился учителем в сельскую школу, а после революции перешел на работу секретаря в волисполкоме.

В 1918 году Исаковский вступил в партию большевиков. Со следующего, 1919 года началась его продолжительная редакторская работа, сначала в провинциальной прессе: до 1921 года — он редактор газеты в Ельне, с 1921 по 1931 — работает в смоленской газете «Рабочий путь». С 1931 по 1932 год редактировал московский журнал «Колхозник», издававшийся «Крестьянской газетой».

Одну черту в его провинциальной редакторской деятельности нельзя обойти молчанием даже в самой краткой биографии: исключительное внимание к начинающим авторам. Оно было щедро вознаграждено результатами: Исаковскому довелось стать «крестным отцом» таких поэтов, как Твардовский, Рыленков и др.

Первый сборник стихов Исаковского, под харacterным названием «Провода в соломе», вышел в 1927 году. Его появление в свет прошло не совсем гладко: рецензенты Госиздата, куда поэт направил свою рукопись, дали о стихах отрицательный отзыв, что предрешало печаль-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30